

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЕ И ИНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОЦЕНКАХ СОБСТВЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ НА РЫНКЕ ТРУДА*

Н.П. Нарбут, И.В. Троцук

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

По материалам эмпирического исследования, реализованного методом анкетирования на студенческой выборке в Российском университете дружбы народов, авторами был апробирован один из возможных вариантов операционализации ожиданий и опасений студенческой молодежи в профессиональной сфере. Представив ранее (1) общую характеристику мировосприятия студентов применительно к трудовой деятельности и карьере, в частности, показано беспроblemное сочетание весьма разнохарактерных соображений — престижно-имиджевых и вдумчиво-содержательных, крайне прагматичных и столь же идеалистичных — авторы сосредоточились на факторах, определяющих различия в оценке ситуации на рынке труда, в приверженности идеалам личных достижений, в сосредоточенности на учебе, в понимании необходимости опыта работы, в уверенности, что и без него можно легко и быстро трудоустроиться, в опасениях превратиться в профессионально не реализовавшегося, одинокого и необеспеченного человека и др. Поскольку данные массовых опросов на протяжении последних десятилетий показывают, что российское общество проявляет себя как весьма стереотипно и традиционно воспринимающее ролевые позиции женщин и мужчин, особенно на рынке труда, авторы сфокусировали внимание на гендерных различиях в ответах на вопросы анкеты, попутно отмечая и иные значимые расхождения.

Ключевые слова: студенческая молодежь; эмпирическое исследование; опросный инструментарий; гендерные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда; пессимистичные и оптимистичные сценарии трудоустройства.

С первых лет постсоветского периода отечественные исследователи стали отмечать, что молодые люди на российском рынке труда, как правило, оказываются в сложной и противоречивой ситуации «вынужденной мотивации труда» [см., напр. 9]: ее отличает ориентация на выживание, неконкурентоспособность, низкое удовлетворение материальных потребностей при относительном отсутствии свободного выбора вариантов трудоустройства.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 13-03-00362.

С одной стороны, переход к рынку кардинальным образом трансформировал сферу социально-трудовых отношений в интересах молодежи — в целом она оказалась в лучших условиях, чем старшие поколения: молодые люди более образованы, выросли в иных социально-экономических реалиях и потому более гибки, быстрее и проще адаптируются к изменяющимся социокультурным условиям, обладают большей свободой, возможностями выбора и самореализации в принятии принципиально важных решений относительно трудовой занятости и выстраивания карьеры.

С другой стороны, перечисленные перспективы постсоветского периода характеризуются высоким уровнем неопределенности (вследствие структурных несоответствий между возможностями сферы образования и запросами рынка труда), рискогенностью (экономические проблемы влекут за собой рост конкуренции на рынке труда), недоступностью для некоторых групп населения (проживающих в сельской местности и моногородах) на фоне увеличения периода незанятости на первых этапах трудовой деятельности (образование все чаще становится своеобразной альтернативой трудоустройству, но пролонгирование периода поиска работы неизбежно ведет к депрофессионализации выпускника вуза). Все это определяет высокий уровень молодежной безработицы: формально в России низкий уровень общей безработицы, но в возрасте 15—29 лет примерно 44% заявили о безработности в ходе переписи 2010 г., среди молодежи до 25 лет в январе 2013 г. каждый четвертый был безработным (2).

К середине 2000-х гг. исследователи зафиксировали мозаичность ценностно-нормативного комплекса молодых россиян в целом и в профессиональной сфере в частности; заговорили о нарастающей инструментальной ценности труда — он рассматривается как источник обретения материальных благ и социального капитала (важных знакомств, связей и пр.) [см., напр. 4; 6]; об усугублении непонимания между молодежью, которая хочет высокой оплаты труда сразу после окончания обучения, и обществом в лице работодателей, занижающими оплату труда молодых специалистов, ссылаясь на свои высокие требования (им нужны высококвалифицированные кадры с опытом работы) и отсутствие у молодежи опыта и навыков для их удовлетворения; о росте общей жизненной неуверенности и даже тревожности молодежи в связи со страхом потерять работу и оказаться без средств [1].

Проводившиеся на протяжении 2000-х гг. опросы относительно оценок россиянами перспектив собственного трудоустройства показали, что с 2002 по 2013 гг. доля уверенных, что жители их города/района при необходимости не смогут устроиться на хорошую работу по специальности не падала ниже 70%, противоположного мнения придерживался примерно каждый пятый [10]. Доля уверенных в возможности успешного трудоустройства по специальности коррелирует со степенью урбанизации: достигает максимума в крупных мегаполисах, минимума — в сельских поселениях.

Приведенные данные объясняют, почему половина закончивших учебные заведения молодых специалистов вынуждена менять специализацию и/или получать другую, нередко принципиально отличную от первоначальной [7. С. 68].

Впрочем, несмотря на явную рассогласованность функций рынка труда и институтов образования доля выпускников школ, получающих высшее образование, остается исключительно высокой: диплом вуза считается «пропуском» на рынок труда и гарантом успешной профессиональной карьеры, даже если человек формально относится к обучению и не получает за годы учебы ничего, кроме «корочки». Высшее образование нередко не приносит ни удовлетворения, ни ожидаемого результата, потому что не успевает за изменениями рынка труда и требованиями работодателей, но продолжает рассматриваться как вклад в будущее, пусть и без гарантий. Проблема уже не только в объективных расхождениях запросов рынка и возможностей системы образования, но и в «перепроизводстве» выпускников престижных специальностей (юристов, экономистов и пр.) — их число уже давно превышает спрос, поэтому конкуренция на рынке труда среди специалистов с высшим образованием огромна и наличие диплома не может служить основанием, не говоря уже о гарантиях, получения престижной и высокооплачиваемой работы [см., напр., 5].

В.И. Чупров в конце 1990-х гг. предложил типологию молодых работников по критерию реализации ими своей квалификации на рынке труда [13. С. 98]: молодые люди, работающие по специальности, что говорит об их высоком профессиональном статусе (примерно треть); молодые люди, которые работают не по специальности или не прошли профессиональную подготовку (около 45% в конце 1990-х гг., более 60% в 2000-х); молодые люди, трудоустроенные по близкой к своей специальности (соответственно 20% и 40%).

Примерно тогда же исследователи обнаружили, что мотив высокого заработка лидирует во всех опросах молодежи и опережает прочие аспекты трудовой мотивации, в том числе и распространенные среди россиян в целом соображения, что работа должна быть интересной, а коллеги — хорошими товарищами [см., напр., 8].

Речь идет об устойчивых коллективных представлениях и отчетливо прослеживаемых типах поведения на рынке труда, однако они могут различаться по типам поселений, полу, семейному статусу и возрасту. Так, гендерная проблематика применительно к сфере профессиональной занятости и трудовой карьеры в российском обществе характеризуется ярко выраженной «традиционностью» — проговариванием на уровне анекдотов, шуток, расхожих соображений, что нужно/позволено/запрещено женщине и мужчине (все мы постоянно слышим в повседневной коммуникации фразы типа «ну, он же мальчик/девочка/мужчина/женщина...»), поэтому акцент в статье сделан именно на гендерных различиях.

В конце 2013 — начале 2014 гг. на репрезентативной по критериям факультета и курса обучения выборке в Российском университете дружбы народов был проведен опрос, анкета которого включала в себя 57 вопросов разной степени сложности и формализации. В силу большого объема и содержательной насыщенности анкеты, а также объективных ограничений размеров статьи и нежелания перегружать ее количественными показателями мы разбили обзор результатов анкетирования на две части: в ранее опубликованной статье были представлены общие характеристики опрошенной совокупности, сейчас мы рассмотрим сложившиеся в ней подгруппы — насколько различаются мнения девушек и юношей,

студентов старших и младших курсов, обучающихся на разных направлениях подготовки, которые мы объединили в три профиля — технический, естественнонаучный и социально-гуманитарно-экономический.

Мы сознательно не принимали во внимание различия ответов в зависимости от материального положения (в анкете использовалась стандартная шкала из пяти градаций оценки возможностей в потребительской сфере): помимо отмечаемого всеми исследователями тяготения респондентов к средним позициям, ограничения на интерпретацию данных накладывает то обстоятельство, что в РУДН учатся студенты из множества регионов страны, т.е. респондент из относительно обеспеченной семьи из региона «по московским меркам» может оказаться не в столь благополучном материальном положении.

Построить квоты по регионам или типам поселений было невозможно не только из-за необходимости значительно нарастить выборку: во-первых, разброс по данным показателям был бы столь большим, что проводить сравнения было бы бессмысленно; во-вторых, многие студенты, особенно на старших курсах, собираются остаться в Москве, поэтому указывают в качестве места жительства не родной город, а столицу, с которой решили связать свою жизнь в будущем.

Впрочем, некоторые особенно яркие различия по типам поселений в статье обозначены, хотя мы прекрасно осознаем, что здесь, как и по другим параметрам «паспортички», они носят исключительно описательный характер и скорее всего обусловлены совокупным влиянием множества взаимосвязанных факторов.

Акцент на гендерном измерении ответов был сделан, чтобы увидеть, насколько молодые поколения воспроизводят традиционные представления о социальных ролях мужчины и женщины. Выделяют разные социальные трактовки гендерных различий [см., напр., 3]: через культурные символы (например, «женщина-мать» и «отец-кормилец»); через нормативные понятия (в моральном «кодексе» традиционного общества от женщины требуется сдержанность, приверженность семейным ценностям и подчеркнутая «женственность»); через деление социальных сфер деятельности (сугубо мужские и женские профессии, спортивные и досуговые занятия); через субъективное восприятие индивидом себя как женщины или мужчины (идентификация себя как «мужественного» или «женственной», сформированная в ходе социализации). Все эти трактовки укладываются в получившие на Западе во второй половине XX в. исключительную популярность дискуссии о «предназначении» женщины и «образах женственности», которые каждая культура директивно навязывает своим членам.

Специфика гендерного подхода в социологии состоит в том, что она отрицает психоаналитические и структурно-функциональные обоснования социальных ролей мужчин и женщин и подчеркивает социально-экономическую и социокультурную детерминацию устойчивости традиционных, патриархальных, устаревших стереотипов о своеобразной «второсортности» женщины по сравнению с мужчиной во всех публичных (прежде всего связанных с производственными и властными отношениями) сферах жизни.

Проблема не в том, что существует «мужская» и «женская» работа, а в том, что сами подобные маркировки обуславливают неравный доступ мужчин и жен-

щин к рабочим местам, неравенство в зарплате и социальные диспропорции («гендерную дискриминацию» и «гендерную сегрегацию» на рынке труда), масштабы и острота которых определяются социальными представлениями. Так, массовые опросы из года в год показывают, что россияне ратуют за «равенство полов» и убеждены, что женщинам живется тяжелее, чем мужчинам (в частности, по причине «двойной занятости» — женщинам приходится совмещать работу с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей; у мужчин больше возможностей для продвижения по службе, потому что «мужчина должен делать карьеру, а женщине это необязательно»), но в то же время уверены в правильности/справедливости закрепления за мужчинами и женщинами определенных сфер ответственности и ролевых ограничений (согласно статистике, чем выше должностная ступень, тем ниже в ней доля женщин, что подтверждает теорию «стеклянного потолка», разработанную в начале 1980-х гг.).

Итак, рассмотрим, насколько по-разному отвечали на вопросы анкеты различные подгруппы выборки, прежде всего юноши и девушки (3). Мы не будем повторно приводить общие данные по опрошенной совокупности (они были подробно представлены в предыдущем номере журнала) и останавливаться на тех вопросах, где различий по подгруппам не просматривается или же они столь (статистически) незначительны, что вряд ли следует воспринимать их серьезно и пытаться интерпретировать. Так, распределение ответов на вопрос «Почему ты поступил именно в РУДН?» показало отсутствие значимых расхождений в приоритетах юношей и девушек: основная причина выбора университета — его известность и статус престижного вуза, т.е. «формальные» характеристики высшего образования.

Содержательные его черты отстают от показателей «имиджа» вуза — это хорошая языковая подготовка, возможности общения с иностранными студентами (только эту причину выбора РУДН чаще указывали девушки — 29% против 19%), качество образования и шанс получить диплом переводчика. Более значимые и предсказуемые различия в причинах поступления в РУДН прослеживаются между жителями Москвы и Московской области (условно назовем их «москвичами») и ребятами, приехавшими из других российских регионов: для последних еще более значимы известность и престижность вуза (69% против 57%) и возможность получения диплома переводчика, т.е. второй «корочки» (27% против 18%); еще менее значимы такие «содержательные» аспекты обучения, как хорошая языковая подготовка (19% против 31%) и сильный преподавательский состав (4% против 13%). По мере взросления (мы использовали три градации — младшие курсы, старшие курсы и магистратура) студенты реже отмечают известность и престижность вуза (60% младшекурсников — 42% магистров) и качество образования (31% — 13% соответственно), но чаще — хорошую языковую подготовку (21% — 33%), что, очевидно, отражает возрастающее понимание того, что трудоустроиться придется не по «корочке», а с конкретными знаниями.

Что касается причин поступления на конкретную специальность, то здесь различия по подгруппам оказались столь же незначительными и не затронули базо-

вых соображений студентов — желания стать квалифицированным специалистом именно в той области, по которой они проходят обучение, и реализовать давнюю мечту. Юноши чаще озабочены получением диплома престижной специальности (8% против 3%); девушки более подвержены влиянию родителей (11% против 5% юношей выбрали специальность по их настоянию) и в большей степени стремятся гарантировать свое будущее — сначала поступление (21% против 9% юношей выбрали специальность, зная, что смогут сдать нужные для поступления предметы), а затем трудоустройство после окончания вуза (18% против 10%; данный вариант — единственное различие между «москвичами» и приезжими — 12% против 4%).

Стремление девушек гарантировать свое будущее посредством высшего образования прослеживается и в ответах на вопрос о значении для них обучения: они чаще, чем юноши, указывают возможность стать квалифицированным специалистом (61% против 46%), получить гарантии карьерного роста и высокой заработной платы (20% против 13%), саморазвития и самореализации (40% против 33%), фактически подтверждая бытующее в российском обществе расхожее утверждение, что женщине, чтобы чего-то добиться в профессиональной сфере, нужно быть на голову выше мужчины.

Более интересны расхождения в ответах на вопрос о причинах выбора конкретной специальности по критерию профиля обучения (4): учитывая небольшой объем выборки, мы не могли проводить сравнения факультетов, тем более что таковые вряд ли можно было бы интерпретировать без разбивки по специальностям, а потому рассмотрели распределения ответов по профилям обучения — у условных «технарей» (студенты инженерного и факультета физико-математических наук), «естественников» (студенты медицинского, экологического и аграрного факультетов) и «гуманитариев» (студенты юридического, филологического, экономического и факультета гуманитарных и социальных наук).

У «гуманитариев» более ярко выражено желание стать квалифицированным специалистом в конкретной области (54% против 40% «технарей» и 44% «естественников»); «технари» чаще поступают туда, куда получилось (24% против 10% «естественников» и 15% «гуманитариев») и реже уверены, что смогут без проблем найти работу после окончания вуза (7% против 23% и 16% соответственно); «естественникам» чаще нужен только диплом престижной специальности (15% против 4%) и гарантии поступления (28% были уверены, что смогут сдать нужные для поступления предметы, — против 12% «технарей» и 15% «гуманитариев»).

В оценках значения обучения различий по курсам не отмечено, за исключением того занятого и ожидаемого факта, что в магистратуре, в отличие от бакалавриата, мало кто воспринимает обучение как приятный способ времяпрепровождения (6% против 15%).

«Технари» весьма пессимистично оценивают обучение по сравнению с «естественниками» и «гуманитариями»: они реже рассматривают его как возможность получить знания, необходимые для дальнейшей жизни (43% против 69%

и 55% соответственно), как шанс для саморазвития и самореализации (27% против 44% и 40%), как гарантии карьерного роста и высокой заработной платы в будущем (11% против 19%), хотя сложнее всего учиться «естественникам» (8% против 14% в других группах рассматривают обучение как приятный способ времяпрепровождения).

Перечисленные доминанты восприятия высшего образования определяют заинтересованность студентов в обучении; не испытывающих интереса к учебе, считающих, что они сориентируются после окончания вуза, оказалось больше среди юношей (9% против 5%), вообще нет среди приехавших на учебу в Москву из регионов и меньше всего среди «гуманитариев» (5% против 8% «технарей» и 10% «естественников»).

Восторженно впитывающих знания, как губка, несколько больше среди «гуманитариев» — 21% против 14% «технарей» и 12% «естественников»; последние более прагматичны и старательно учат только то, что может пригодиться в дальнейшем (48% против примерно каждого пятого студента двух других профилей); «технари» чаще учатся нормально, хотя могли бы и лучше (56% против 28% «естественников» и 43% «гуманитариев»). У юношей реже, чем у девушек (47% против 57%), а у «москвичей» реже, чем у приезжих (54% против 73%) представления о будущей специальности и учебе меняются после поступления, что можно связать с большей прагматичностью первых в каждой из названных пар.

Следующий блок вопросов анкеты — о планах студентов продолжать обучение (в магистратуре, аспирантуре, втором высшем, специализированных курсах) — не выявил значимых различий по социально-демографическим характеристикам или параметрам обучения, хотя среди магистров больше уверенных в том, что получаемое ими образование соответствует требованиям работодателя (61% против 46% бакалавров): как правило, к началу учебы в магистратуре большинство студентов либо уже имеет опыт работы либо совмещает обучение с работой. Среди «естественников» меньше, чем среди «технарей» и «гуманитариев», уверенных в том, что получаемое образование соответствует требованиям возможного работодателя (38% против каждого второго).

Распределение ответов на вопрос о связанных с будущим опасениях (табл. 1) показало, что в целом сложно говорить о неких явных «лидерах», но если объединить соответствующие закрытия в группы, то мы увидим три базовых страха: вынужденная профессиональная нереализованность (пусть даже при высоких заработках); бедность (вследствие низкой зарплаты, болезни или безработицы); одиночество, жизненная неустроенность. Эти страхи доминируют во всех подгруппах, но здесь ярко проявились гендерные различия: практически по всем видам опасений девушки демонстрируют более высокий уровень тревожности (за исключением службы в армии, попадания в тюрьму/под следствие и жизни без компьютера, которые явно считаются более «мужскими»); девушки, задумываясь о своем будущем, чаще опасаются вынужденного трудоустройства (43% против 33%), неизлечимой болезни (28% против 15%) и одиночества (36% против 25%).

**Распределение ответов на вопрос
«Задумываясь о своем будущем, чего ты опасешься больше всего?», в %**

Варианты ответов	Твой пол		Твое постоянное местожительство		
	Мужской	Женский	Москва	Московская область	Другое
Работать, где не нравится, не имея возможности сменить место работы	33,1	42,6	41	29,5	34,6
Оказаться одиноким человеком	25,3	36,1	29,3	42,3	34,6
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	27,1	29,7	29,3	25,6	34,6
Оказаться безработным	19,3	25,3	20,7	30,8	30,8
Заболеть неизлечимой болезнью	15,1	27,7	21,3	24,4	38,5
Бедности	18,1	22,5	21	20,5	19,2
Разочарования в выбранном деле/профессии	16,9	22,5	21,3	14,1	15,4
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	15,1	21,3	20	17,9	3,8
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться/получить диплом)	15,1	20,1	16,3	21,8	23,1
Неудачи в любви	10,2	14,9	14,3	10,3	3,8
Ее выйти замуж/не жениться	7,2	15,7	12,3	9	15,4
Оказаться под следствием/в тюрьме	13,9	10,4	12	11,5	15,4
Публичного унижения/оскорбления	9	10	10	6,4	15,4
Стать жертвой преступников	3,6	10	7,3	7,7	7,7
Пойти служить в армию	7,8	1,2	4,7	1,3	3,8
Жизни без компьютера/Интернета	4,2	1,2	2,3	2,6	3,8

Последнее расхождение предсказуемо: более социально одобряемым и приемлемым считается одиночество мужчины — как реализующего себя в профессиональной сфере, от женщины общество ожидает именно семейно-материнской «карьеры», что подтверждается и большей частотой у девушек опасений не выйти замуж (16% против 7%) и неудачи в любви (15% против 10%). Интерпретировать «региональные» различия здесь сложно, о чем уже говорилось выше, тем не менее, можно отметить, что совершенно ожидаемо ребята из регионов в меньшей степени опасаются вынужденного трудоустройства на неинтересную, но денежную работу, учитывая уровень безработицы за пределами Москвы, и неудачи в любви, но в большей степени — публичного унижения/оскорбления и неизлечимой болезни (видимо, считая их дополнительными факторами безработицы и бедности).

По мере взросления несколько снижается уровень опасений вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу (с 19% до 8%), получать

заработную плату, которая не позволит жить, так как хочется (с 32% до 21%), работать, где не нравится, не имея возможности сменить место работы (с 47% до 29%), а также отчисления и разочарования в выбранном деле/профессии (с 26% до 14%): видимо, к магистратуре студенты более уверенно чувствуют себя на рынке труда. Сложные для интерпретации распределения ответов были получены по разным профилям обучения, хотя репертуар базовых страхов в каждой подгруппе остался неизменным: в сравнительном контексте «технарей» в меньшей степени пугают перспективы вынужденного трудоустройства на денежную работу, низкая зарплата, невозможность сменить место работы, бедность, неизлечимая болезнь, публичное оскорбление и преступное нападение; «естественников» реже волнует возможность неудачи в любви, но почти по всем остальным видам страхов они демонстрируют более высокий уровень тревожности; «гуманитариев» меньше беспокоит одиночество и разочарование в выбранной профессии.

В восприятии личного жизненного успеха девушки и юноши продемонстрировали ожидаемые сходства и различия (рис. 1): в обеих подгруппах наименее весомым компонентом стало общественное признание/слава, но его в два раза чаще упоминают юноши (18% против 11%), а для девушек намного более важно семейное благополучие (40% против 26%).

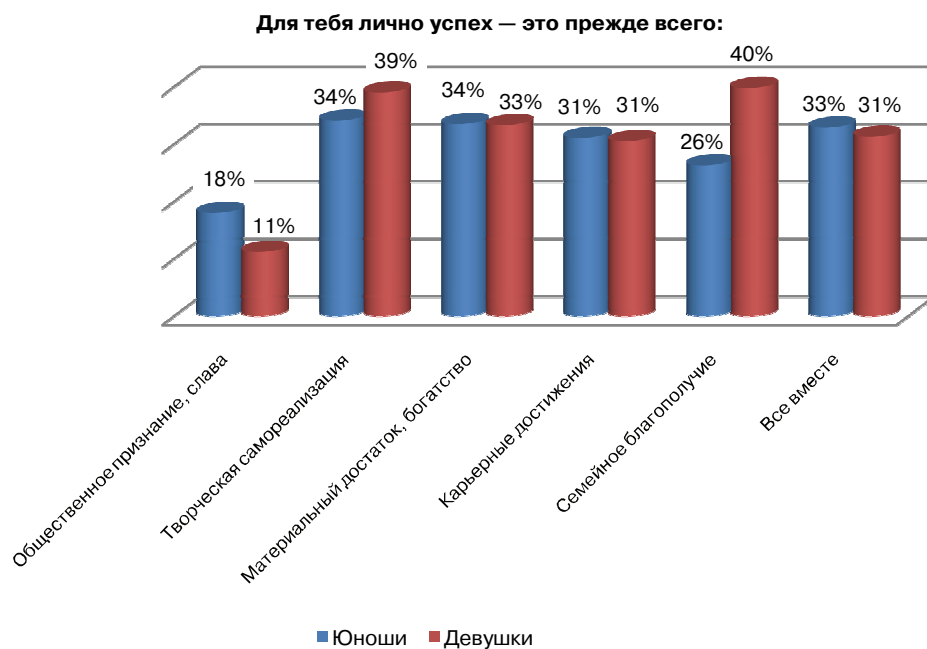

Рис. 1. Распределение ответов юношей и девушек на вопрос «Для тебя лично успех — это прежде всего...»

По мере взросления значение общественного признания и материального достатка возрастает (с 13% на младших курсах до 25% в магистратуре в первом случае и с 28% до 42% — во втором), и, видимо, возникает четкое понимание, что достичь всего и сразу в жизни крайне сложно — об этом свидетельствует снижение частоты выборов соответствующего варианта с 34% до 26%. Различия по профилям

обучения менее понятны, хотя ожидаемы: для «технарей» менее значимо семейное благополучие, но хотелось бы «всега сразу»; для «естественников» менее важен материальный достаток, но приоритетны творческая самореализация, общественное признание и семейное благополучие; «гуманитарии», доля которых в выборке была самой большой, показали общую по ней картину, т.е., за исключением общественного признания, примерно треть из них указывала сразу несколько вариантов ответов.

Выбирая в списке из 25 закрытий необходимые для жизненного успеха личные качества (респонденты могли указать максимум десять вариантов ответа), юноши и девушки продемонстрировали вполне предсказуемые различия, хотя безусловными лидерами в обеих подгруппах стали коммуникабельность, трудолюбие, талант/способности и целеустремленность — девушки чаще указывали каждую из этих характеристик (рис. 2). Вторую по частоте упоминаний группу (порядка 40%) составили «вспомогательные» по отношению к уже названным черты — оптимизм, честолюбие, исполнительность, но для девушек последнее качество намного более важное условие жизненного успеха (55% против 21%), что, видимо, отражает стереотипное представление о том, как себя должны вести мужчина и женщина на работе. Подтверждает эту версию то, что 28% девушек указали в качестве фактора жизненного успеха способность идти на компромисс — с ними согласны 16% юношей.

Третий блок важных для успеха личных качеств (порядка 30%) составили черты неоднозначно коннотированные, т.е. ситуативно они могут считаться и позитивными, и негативными — расчетливость в достижении целей, умение идти напролом, упрямство и изворотливость, впрочем, с ними соседствует честность. Статистически и интерпретационно значимых расхождений в ответах начиная с третьего блока, за исключением указанного тяготения к компромиссам, практически нет, хотя коварство и беспринципность чаще оказывались в «мужском», чем в «женском» наборе личных рецептов успеха (11% против 6% и 8% против 3% соответственно).

Ребята из регионов существенно выше, чем их сверстники-«москвичи», ценят трудолюбие, талант/способности и умение идти напролом в достижении целей (на 15%), а ниже — оптимизм (на 30%) и умение держать язык за зубами (в 2—3 раза), что соответствует стереотипным «рецептам» успеха в столице (изображать успешность и помалкивать, если много чего знаешь) и в провинции («пахать»). По мере взросления возрастает значение трудолюбия и способности идти на компромиссы (на 10%), прагматизма и искренности (почти в 2 раза) при одновременном снижении важности коммуникабельности, таланта/способностей, оптимизма, умения идти напролом в достижении целей и изворотливости (на 20%).

Акценты в «образах» успешности в зависимости от профиля обучения (при сохранении общих для выборки трех базовых блоков) таковы: для «технарей» более значимы трудолюбие, упрямство и прагматизм, для «естественников» — честолюбие и амбициозность, способность идти на компромисс и доброта, для «гуманитариев» — коммуникабельность, исполнительность и прагматизм.

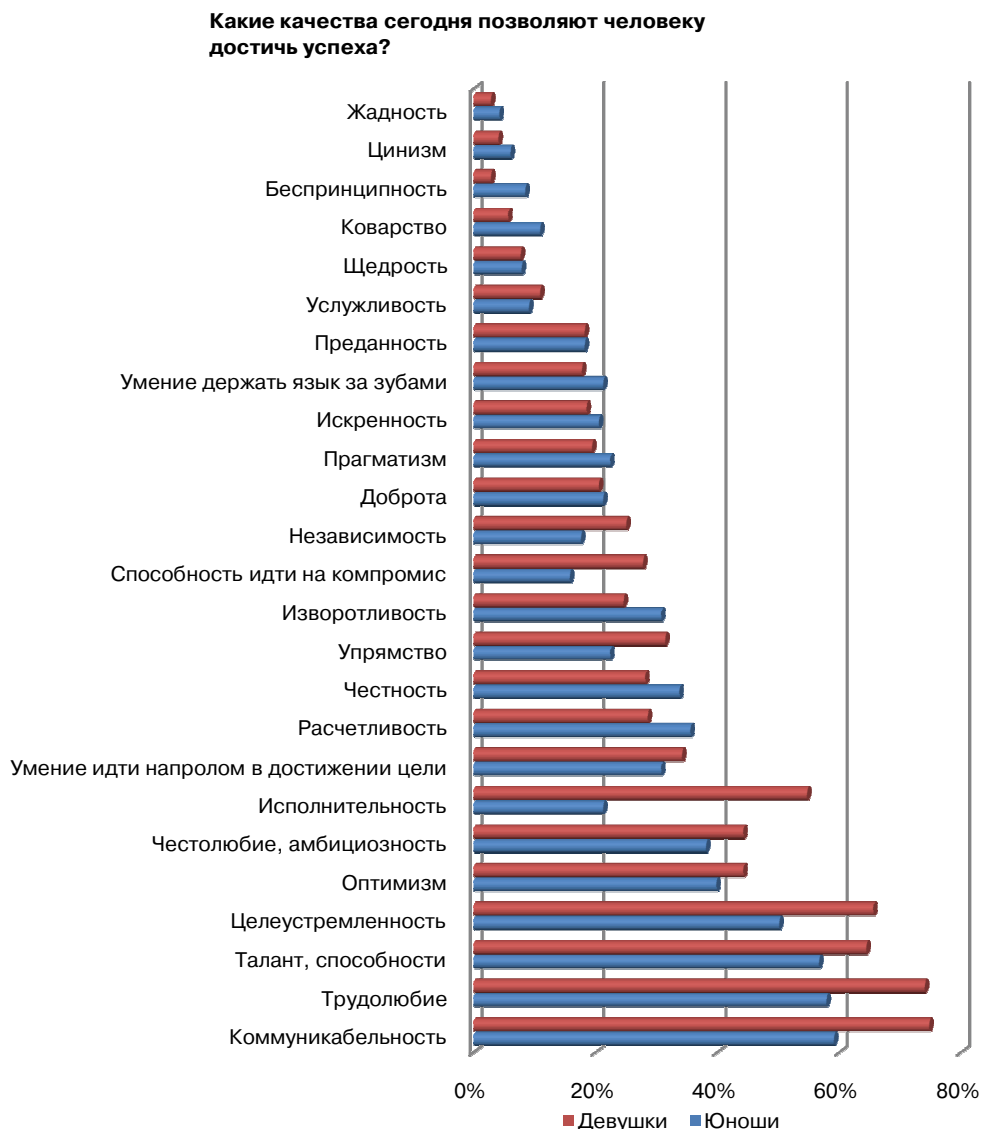

Рис. 2. Распределение ответов юношей и девушек на вопрос «По-твоему, какие качества сегодня позволяют человеку достичь успеха?»

Трудолюбие для студентов качество пока не вполне реальное — большинство (68%) не работает и не подрабатывает на регулярной основе (64% юношей и 70% девушек): не работает вообще каждый третий юноша (34%), но практически каждая вторая девушка (48%); подрабатывает 30% юношей и 22% девушек. Трудоустроено не по специальности — по 10% и тех, и других, но по профессии или в смежных с ней областях работает почти в два раза больше юношей (11% против 6%). В обеих подгруппах основным критерием выбора места работы была возможность совмещения с учебой (ее назвал каждый второй опрошенный), каждый четвертый хотел получить практические навыки по специальности, ради заработка чаще трудоустраиваются девушки (18% против 9%), каждый десятый (11%) работает из интереса.

Понятно, что ребятам из регионов труднее трудоустроиться в столице, поэтому среди них 92% не работают, а 8% перебиваются случайными подработками — две трети из них работают ради зарплаты (более 40 тысяч рублей в месяц), каждый четвертый пытается получить опыт работы по специальности (получает менее 10 тысяч в месяц); все трудоустроены на коммерческих предприятиях и собираются сменить место работы после окончания вуза.

По мере взросления и перехода из «статуса» младшекурсников в старшекурсники, а затем в магистры снижается число не работающих и не подрабатывающих (88%—65%—50% соответственно) и возрастает доля трудоустроенных по специальности или в смежных с ней областях (2%—11%—18%), хотя лишь каждый пятый работающий по профессии магистр — грустная цифра, явно говорящая о несоответствии высшего образования запросам (столичного) рынка труда. Среди «технарей» самый низкий процент нигде не работающих и не подрабатывающих — 59% против 69% «гуманитариев» и 75% «естественников», и если в последнем случае можно было бы сослаться на то, что на естественнонаучных факультетах (например, на медицинском) очень сложно учиться и тем более совмещать учебу с работой (поэтому здесь 56% трудоустроенных искали работу так, чтобы суметь совмещать ее с учебой), то с «гуманитариями» это объяснение вряд ли сработает.

Среди «технарей» почти в два раза выше доля работающих по специальности (13% против 7%), они чаще ориентируются в трудоустройстве на заработную плату (26% против 6% «естественников» и 11% «гуманитариев») и, видимо, поэтому согласны работать без официального оформления (70% против, соответственно, 31% и 52%) (рис. 3).

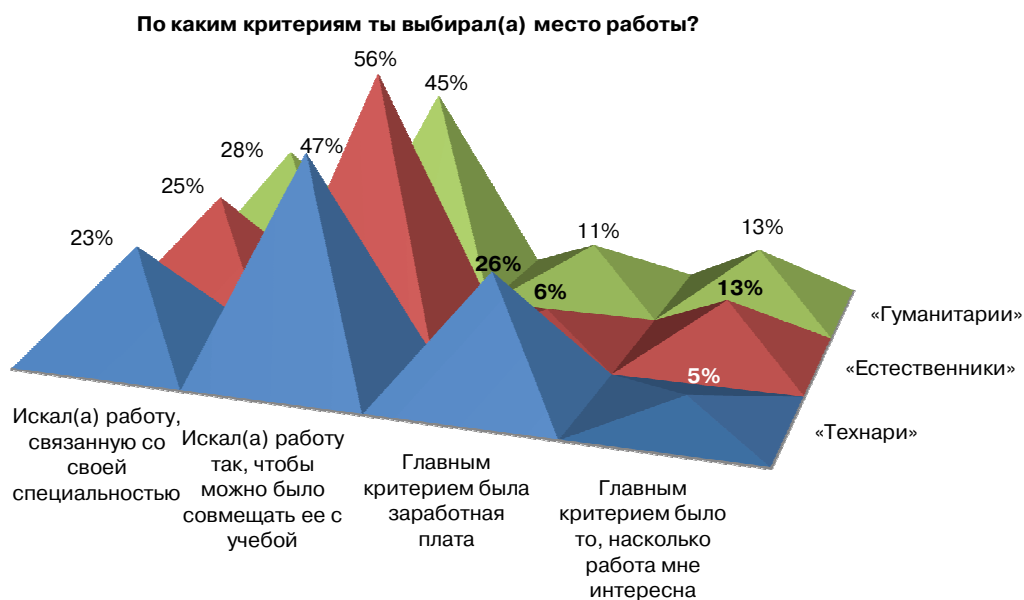

Рис. 3. Распределение по профилям обучения ответов на вопрос «Если ты работаешь или подрабатываешь, по каким критериям выбирал(а) место работы?»

Будучи вынуждены совмещать работу и учебу, на что сегодня соглашается все меньше работодателей, даже когда речь идет о студентах (нередко работодатели приглашают на низовые позиции именно студентов, что позволяет им существенно сокращать фонд заработной платы за счет не имеющих опыта новичков, которые несколько месяцев проходят специализированное (до)обучение), о соблюдении своих трудовых прав студенты не особенно заботятся: каждый второй (55%) не оформлен официально, причем юноши чаще, чем девушки (59% против 51%). Девушки, видимо, в силу отмеченного выше более высокого уровня тревожности, чаще настаивают на официальном оформлении (35% против 23%) и реже соглашаются его подождать, веря обещаниям работодателя в ближайшее время уладить все формальности (8% против 13%).

Учитывая совмещение работы с учебой, студенты вряд ли могут рассчитывать на высокий заработок, независимо от пола, курса и профиля обучения, поэтому каждый второй убежден, что зарабатывает недостаточно, а каждый третий не смог однозначно оценить свой заработок, видимо, понимая, что вряд ли может рассчитывать на большее, если не хочет забросить учебу.

Средние значения заработной платы по выборке таковы: зарплата 45% трудоустроенных не превышает 20 тысяч рублей в месяц, 26% — 30 тысяч (в анкете использовался открытый вопрос, результаты которого были сгруппированы, исходя из их частотности), но различия между подгруппами здесь значительны.

Поскольку девушки чаще мотивированы в поисках работы именно на заработок, среди них меньше тех, кто получает менее 10 тысяч рублей в месяц (8% против 21%; вряд ли юноши скрывают реальный уровень доходов — скорее чаще соглашаются на подработки); но 69% работающих девушек получает от 11 до 30 тысяч рублей (38% юношей), а 41% работающих юношей — свыше 31 тысячи (22% девушек) (рис. 4).

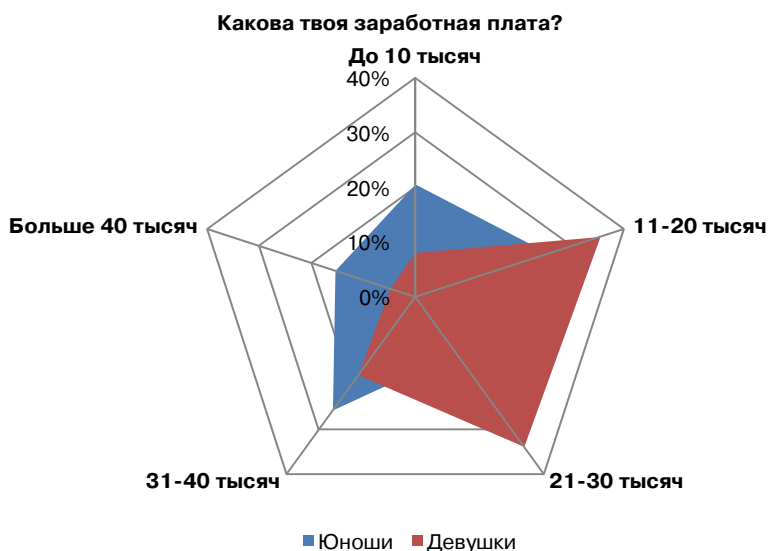

Рис. 4. Распределение по полу ответов на вопрос «Какова твоя (примерная) заработная плата?»

Вряд ли по этим цифрам можно делать выводы о гендерном дисбалансе в оплате труда, но учитывая, что речь о студентах, которые находятся в равном положении на рынке труда в связи с необходимостью сочетать работу с учебой, подобные расхождения показательны. Впрочем, средняя заработная плата по подгруппам сводит их к минимуму: у юношей — 28 833 рубля в месяц, у девушек — 24 677. В целом девушки готовы работать за меньшую зарплату — они чаще называют в качестве минимально приемлемой цифру ниже 30 тысяч рублей; на цифрах от 31 до 70 тысяч рублей доли юношей и девушек совпадают, а объективно и психологически крупный заработок свыше 70 тысяч рублей юноши писали в два раза чаще (19% против 10%), что в итоге дало разные, но все же близкие средние значения минимально приемлемой заработной платы у юношей и девушек — 52 945 и 45 192 рублей в месяц соответственно.

Реальная средняя заработная плата различается у трудоустроенных студентов в зависимости от профиля подготовки (рис. 5): у «технарей» это 35 475 рублей в месяц (60% получают больше 30 тысяч), у «гуманитариев» — 26 125 рублей (52% получают от 21 до 40 тысяч), у «естественников» — 12 961 (100% получают меньше 30 тысяч, 92% — меньше 20 тысяч).

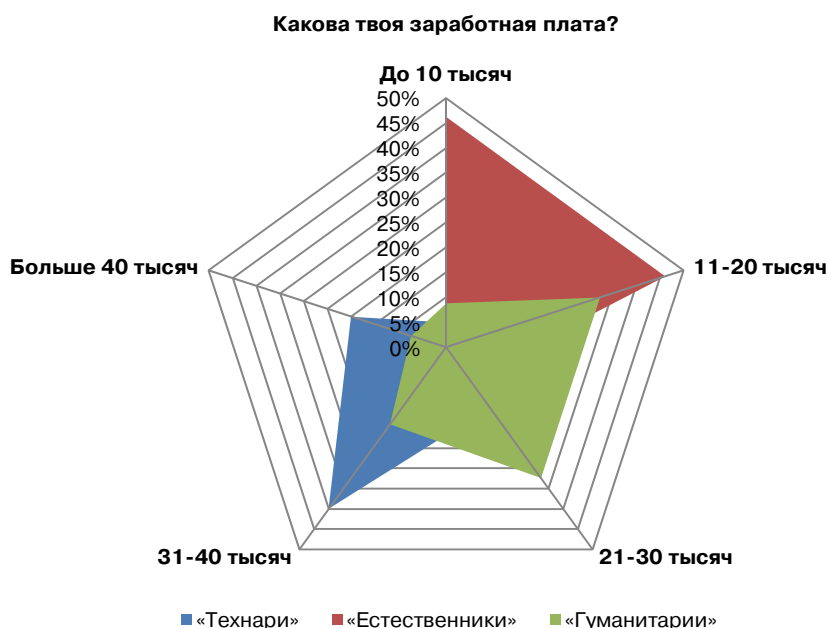

Рис. 5. Распределение по профилю обучения ответов на вопрос «Какова твоя (примерная) заработная плата?»

Впрочем, группировка указываемых студентами размеров зарплаты, на которую может рассчитывать выпускник вуза, трудоустроившись по специальности в первые несколько лет после окончания вуза, показала, что различия по профилям обучения не столь значительны — планируемая средняя зарплата в каждой подгруппе составила около 47 тысяч рублей в месяц, т.е. нынешнее место работы

большинство студентов рассматривают как возможность получить практический опыт или как подработку: почти две трети трудоустроенных собираются менять место работы после окончания вуза, и девушки чаще, чем юноши (77% против 63%), — среди них тех, кого полностью устраивает место работы, оказалось намного меньше (7% против 18%).

Не работающие и не подрабатывающие студенты аргументируют это тем, что не смогут совмещать работу и учебу: 67% — если объединить опасующихся и категорически убежденных, что это слишком сложно и утомительно, но среди девушек опасующихся намного больше, чем среди юношей (75% против 53%), хотя по остальным вариантам гендерные различия не столь заметны (примерно треть каждой подгруппы уверена в необходимости сосредоточиться на учебе), за исключением условных «отличников», полагающих, что от оценок зависит их профессиональное будущее, и не трудоустраивающихся, потому что работа может мешать им получать хорошие оценки — конечно, среди девушек таковых намного больше (17% против 8%).

Столь же ожидаемо к магистратуре сокращаются доли тех, кто не смог найти работу по специальности, кто сосредоточен исключительно на учебе, кто считает слишком сложным и утомительным сочетать работу и учебу. Конечно, это связано и с сокращением аудиторной нагрузки в магистратуре по сравнению с бакалавриатом, что объективно упрощает совмещение работы и учебы, но вряд ли стоит недооценивать давление факторов окружения (нередко даже родители говорят «сколько можно учиться — пора работать») и осознание необходимости опыта работа для успешного трудоустройства после окончания магистратуры. Сравнение профилей обучения дает весьма разноречивую картину: «технари» чаще не хотят работать (11% против 6%), треть не смогла найти работу, где бы их все устраивало, 63% боятся, что не смогут совмещать работу и учебу, они в три раза реже упоминают сложность и утомительность сочетания работы и учебы, в пять раз реже — приоритетность учебы; причины нетрудоустройства «естественников» и «гуманитариев» на фоне «технарей» схожи, за исключением того обстоятельства, что «естественники» в два раза реже, чем другие подгруппы, заботятся о хороших оценках (8% против 15%).

Неработающие студенты весьма оптимистично оценивают перспективы своего трудоустройства после окончания вуза: более 90% убеждены, что легко и быстро найдут работу, причем половина из них уверена, что именно по специальности. Единственное расхождение здесь наблюдается по критерию места жительства: ребята из регионов чаще убеждены, что без проблем найдут себе работу не по специальности — каждый второй против каждого третьего «москвича», что говорит о реалистичной оценке ими региональных рынков труда, на которых может просто не оказаться позиций для тех специальностей, что готовят столичные вузы.

К магистратуре ожидаемо повышается доля тех, кто уверен в быстром и легком трудоустройстве по специальности за счет снижения числа готовых работать не по профессии. Примерно каждый второй во всех профилях обучения уверен, что сможет легко и быстро найти работу по специальности; более пессимистично настроены «технари» — каждый десятый полагает, что долго останется безработ-

ным, и «естественники» — каждый второй убежден, что без проблем найдет себе работу, но не по специальности, поэтому в этой подгруппе на 20% больше тех, кто считает, что работодатель ждет от них, в первую очередь, ответственности и быстрой обучаемости. Отмеченный пессимизм подтверждается и тем, что если каждый второй не трудоустроенный «естественник» и «гуманитарий» планирует искать работу до тех пор, пока не устроится по специальности, то среди «технарей» таких 38% — для каждого второго главное просто найти работу.

Самые действенные способы трудоустройства, благодаря которым большинство знакомых и друзей студентов нашли или планируют найти работу, — специализированные интернет-сайты (60%) и личные связи (49%), которые дополняют дружеские контакты в офлайне и социальных сетях, обращения в кадровые службы и средства массовой информации. Различия подгрупп здесь несущественны: круг знакомств юношей несколько чаще ищет работу через ярмарки вакансий; ребята из регионов и магистры реже обращаются к средствам массовой информации и Интернету; «технари» чаще рассылают резюме в кадровые агентства и ходят на ярмарки вакансий; «естественники» чаще находят работу через центры трудоустройства в своих вузах, а «гуманитарии» — случайно.

Когда речь заходит о том, что необходимо человеку для удачного трудоустройства, то при общем доминировании комплекса из собственных знаний и умений (профессионализм назвало более 70% во всех подгруппах), владения иностранным языком, коммуникабельности, опыта работы и связей/знакомств (они упоминались каждым вторым), представления студентов оказались весьма вариативны (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как ты считаешь, что необходимо для удачного трудоустройства после окончания вуза?», в %

Варианты ответов	Юноши	Девушки
Собственные знания и умения, профессионализм	67,1	79,1
Знание иностранного языка (языков)	40,2	65,5
Коммуникабельность, способность легко находить общий язык с разными людьми	44,5	57,8
Наличие опыта работы	45,1	56,6
Хорошие связи, знакомства	51,2	50,6
Владение компьютером	28,7	34,1
Удача, везение, случай	19,5	30,5
Диплом престижного/известного вуза	22	27,3
Наличие второго высшего образования или сертификата об окончании спецкурсов	17,1	6
Диплом с отличием	6,7	11,6

Так, девушки намного чаще убеждены, что для удачного трудоустройства принципиально важны все перечисленные «навыки», в большей степени рассчитывают на удачу и везение (31% против 20%) и верят в «нужность» диплома с отличием (12% против 7%). Юноши более прагматичны — чаще верят не в «качественные» параметры образования (диплом с отличием), а в «количествен-

ные» — наличие второго высшего образования или сертификата об окончании спецкурсов (17% против 6%).

Девушки, кстати, почти в два раза чаще, чем юноши, уверены, что работодателю важны хорошие оценки по профильным дисциплинам и знание иностранного языка. Ребята из регионов полагают, что работодатели заинтересованы в профессионализме и дипломе известного, престижного вуза, и реже разделяют убежденность «москвичей» в важности для трудоустройства способности легко находить общий язык с разными людьми. К магистратуре сокращается доля уверенных, что работодателю нужны знания, умения и профессионализм, хотя эти требования остаются основными факторами успешного трудоустройства, снижается доля тех, кто верит в необходимость диплома престижного вуза, за счет роста понимания важности диплома с отличием, видимо, как «индикатора» обучаемости, старательности и ответственности.

«Естественники» в большей степени акцентируют значение опыта работы, знания иностранных языков, коммуникабельности и диплома с отличием, который не кажется важным «технарям» — для них более приоритетны владение компьютером и прохождение дополнительных образовательных программ, которые, в свою очередь, неинтересны «гуманитариям», подчеркивающим важность хороших связей и знакомств (учитывая перенасыщенность рынка труда специалистами данного профиля, этот механизм трудоустройства действительно может выступать наиболее действенным).

Зафиксированный ранее высокий уровень тревожности девушек подтверждается и оценками ситуации на рынке труда и положения на нем молодых специалистов.

Хотя опрошенные в целом, независимо от пола, профиля и курса обучения, полагают, что выпускник вуза сталкивается на рынке труда с двумя основными проблемами — работодатели требуют наличия опыта работы, которым обладают далеко не все, тем более по специальности, и не хотят платить достойную заработную плату молодым специалистам (мы специально развели два закрытия — это и о слишком низких зарплатах, потому что это разные вещи — стремление работодателей занижать зарплату вчерашним выпускникам и необходимость выбирать из них достойную) — девушки чаще отмечали все указанные варианты ответов (рис. 6). Так, 59% девушек (против 50% юношей) убеждены, что работодатели требуют наличия опыта работы, 53% (против 39%) — что работодатели не хотят платить достойную заработную плату молодым специалистам, а 44% (против 33%) констатируют реальное положение дел на рынке труда, утверждая, что выпускникам вузов платят слишком мало.

Хотя высокие оценки, знание иностранного языка и востребованность профессии не кажутся студентам актуальными проблемами — каждого третьего скорее волнует перенасыщенность рынка специалистами его профиля, каждого четвертого — гиперэксплуатация молодых специалистов, девушки в два раза чаще (13% против 7%) уверены, что работодатели заинтересованы в том, чтобы молодые специалисты знали иностранный язык.

С какими сложностями сталкивается выпускник вуза на рынке труда?

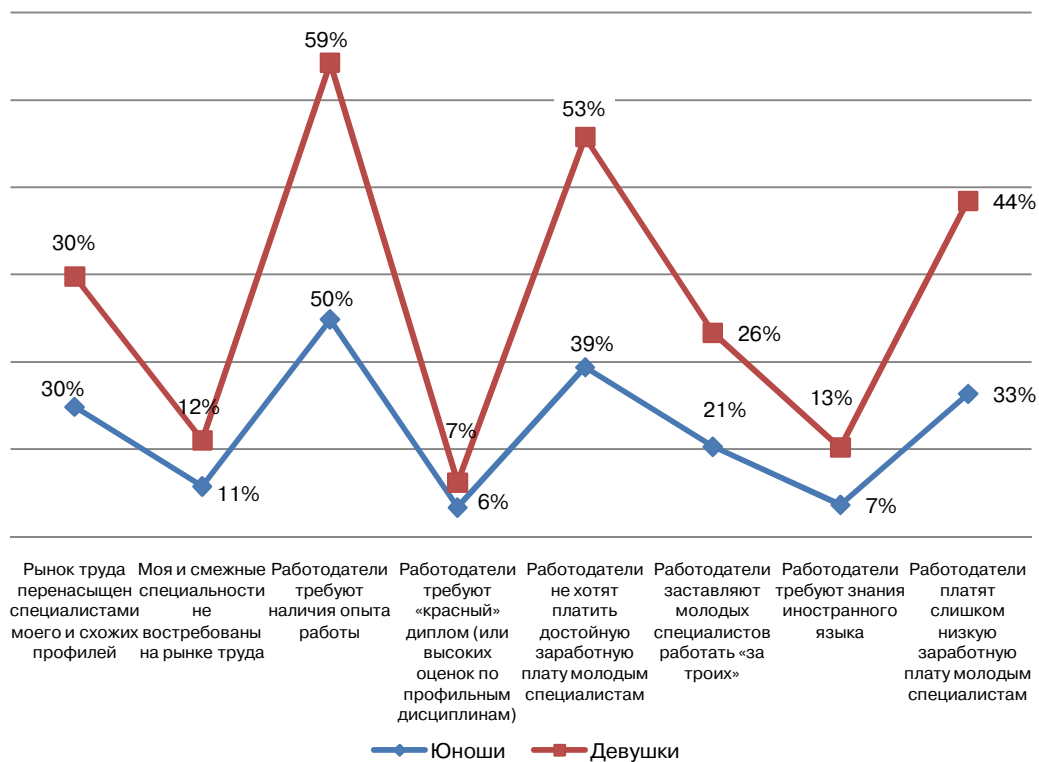

Рис. 6. Распределение по полу ответов на вопрос «С какими сложностями, на твой взгляд, сталкивается выпускник вуза по твоей и смежным специальностям на российском рынке труда?»

Как мы и предполагали, более значимые различия в оценках своих перспектив на рынке труда прослеживаются по профилю обучения (табл. 3), хотя каждый второй опрошенный во всех подгруппах убежден, что работодатели не хотят платить молодым специалистам достойную заработную плату, а каждый десятый — что работодателям нужны специалисты со знанием иностранного языка. По всем остальным параметрам оценки подгрупп несколько расходятся: «технари» преимущественно обеспокоены необходимостью опыта работы и низкой оплатой труда, но убеждены, что их специальности востребованы и для успешного трудоустройства им не нужен красный диплом и высокие оценки по профильным дисциплинам — эти два обстоятельства куда больше волнуют «естественников» и «гуманитариев»; последних в меньшей степени беспокоит необходимость опыта работы, в большей — перенасыщенность рынка труда специалистами их профиля; для «естественников» в два раза более значимой оказалась проблема гиперэксплуатации работодателями молодых специалистов.

**Распределение по профилям обучения ответов на вопрос
«С какими сложностями, на твой взгляд, сталкивается выпускник вуза
по твоей и смежной специальностям на российском рынке труда?», в %**

Варианты ответов	«Технари»	«Естественники»	«Гуманитарии»
Работодатели требуют наличия опыта работы	72,9%	61,7%	47,1%
Работодатели платят слишком низкую заработную плату молодым специалистам	54,2%	33,3%	35,7%
Работодатели не хотят платить достойную заработную плату молодым специалистам	50%	46,7%	46,3%
Работодатели заставляют молодых специалистов работать «за троих»	21,9%	38,3%	21,6%
Рынок труда перенасыщен специалистами моего и схожих профилей	18,8%	13,3%	37,6%
Работодатели требуют знания иностранного языка	11,5%	10%	10,6%
Работодатели требуют «красный» диплом (или высоких оценок по профильным дисциплинам)	2,1%	11,7%	6,3%
Моя и смежные специальности не востребованы на рынке труда	1%	11,7%	14,5%

43% опрошенных убеждены, что получаемая ими квалификация не вполне соответствует требованиям рынка, поэтому им нужны дополнительные знания по профессии (29%) или практика (14%); половина студентов уверена, что полученные знания соответствуют требованиям рынка и позволят им стать конкурентоспособными специалистами (25%) или просто найти работу (26%). Существенных различий по подгруппам здесь не просматривается, хотя девушки и «москвичи» несколько чаще говорят о необходимости дополнительного обучения, видимо, понимая более высокий уровень конкуренции в последнем случае и свои более шаткие позиции на рынке труда — в первом. По сравнению с младшими курсами магистры менее убеждены в своей конкурентоспособности, но более уверены, что точно смогу трудоустроиться и без дополнительной подготовки, признавая, что практический опыт для получения хорошей работы необходим. Что касается профилей обучения, то тут явно выделяются «естественники», которые в два раза реже «технарей» и «гуманитариев» убеждены, что их знаний достаточно, чтобы стать конкурентоспособными специалистами, а потому считают необходимыми дополнительные знания и практику по профессии.

Себя по социально-демографическим характеристикам, как молодых выпускников вузов, студенты не относят в самую проблемную группу с точки зрения возможностей трудоустройства — более важными ограничениями для них выступают отсутствие опыта работы и связей, причем девушки опять демонстрируют более высокий уровень тревожности, намного чаще отмечая многие из перечисленных в соответствующем вопросе закрытия.

Мы объединили варианты ответов на вопрос о том, кому сложнее всего найти работу, в несколько групп (в скобках указаны только цифры, говорящие о гендерных различиях): на первом месте по частоте упоминаний — отсутствие опыта работы, утрата работоспособности по возрасту (46% девушек против 31% юно-

шей) и инвалидности (42%—22%), стигматизация бывших заключенных (47%—25%); на втором месте — молодежь, одновременно люди без высшего образования и выпускники вузов (28%—16%); от них не намного отстают мигранты, люди без постоянной регистрации (22%—13%), жители сел и родители маленьких детей (17%—7%, что отражает российские реалии, где основная нагрузка по воспитанию детей ложится на женщину).

Ребята из регионов выделили в качестве наиболее проблемной для трудоустройства группы именно выпускников вузов (их назвал каждый второй), что свидетельствует о явном недостатке позиций для специалистов с высшим образованием на региональных рынках труда; они также чаще называли женщин в качестве проблемной группы (23% против 4% «москвичей»), что вряд ли говорит о гендерной дискриминации — просто в условиях высокой структурной безработицы работодатели предпочтут взять на работу мужчину, которому «нужно кормить семью», а не женщину.

По мнению студентов, основные характеристики идеальной работы — интересная и высокооплачиваемая: так полагает каждый второй, но девушки чаще, чем юноши (60% против 47% по первому критерию и 56% против 46% — по второму).

Работа для девушки должна быть интересной (60%), высокооплачиваемой (56%), гарантировать карьерный рост (51% против 35% у юношей), предоставлять свободу действий (45%) и возможность самореализации (42%). Второй блок приоритетов, набравший от 19% до 26% упоминаний, включает в себя: возможность приносить пользу людям (на нее чаще ориентированы девушки — 29% против 21%), расширять круг общения, иметь стабильный доход, заниматься престижной деятельностью, оставляющей свободное время. Каждый десятый указал важность социального пакета, причем магистры упоминали его в два раза чаще (19%).

Различия идеальных работ для разных профилей обучения проявились довольно ярко: приоритеты «технарей», представления которых в целом более размыты, — высокая зарплата и гарантии карьерного роста (по 46%) на интересной работе (42%); «гуманитарии» более консолидировано высказались за интересную (57%) и высокооплачиваемую работу (54%), гарантирующую карьерный рост (46%) и свободу действий и (45%); доминанты «естественников» более четко выражены — работа должна быть интересной (65%), предоставлять свободу действий (62%) и быть высокооплачиваемой (50%). «Естественников» меньше интересует расширение круга знакомств (10% против 24% «технарей» и 22% «гуманитариев»), стабильный небольшой доход (10%—31%—18%) и местоположение работы (3%—10%—8%), тогда как «гуманитарии» реже вспоминают про хороший социальный пакет (7% против 16% «технарей» и 13% «естественников»).

Несмотря на повышенный уровень тревожности и более высокие запросы к желаемому месту работы, девушки весьма оптимистично настроены: 61% (49% юношей) полагает, что сможет найти «идеальную» работу, причем 12% уверены, что сделают это легко (верящих в свою быструю удачу юношей больше — 18%), а 49% ориентированы на длительные поиски. Самыми оптимистичными в этом отношении оказались «технари» — 61% убежден, что найдет «идеальную работу», и 23% полагают, что сделают это без особого труда; чуть менее оптимистично на-

строены «гуманитарии» (56% и 13% соответственно) и «естественники» (49% и всего лишь 3%).

Мы включили в достаточно большой и сложный опросный инструментарий четыре открытых вопроса о наиболее и наименее востребованных и высокооплачиваемых профессиях, на которые получили исключительно большой для подобного типа вопросов процент ответов (их написал каждый второй респондент).

Конечно, открытые вопросы дают множество размытых ответов, но в данном случае проявились как устойчивые коллективные представления студенчества, так и гендерные различия. Самыми востребованными профессиями студенты вполне консолидировано назвали (по убывающей) инженеров, программистов/ИТ-специалистов, врачей, экономистов и юристов, но врачи и юристы оказались лидерами по востребованности для девушек, но не для юношей (21% против 2% и 13% против 3% соответственно), что свидетельствует об их гендерной стереотипизации (юрист и врач — хорошие женские профессии). Впрочем, девушки и юноши осознают объективно сложившуюся ситуацию на российском рынке труда (перепроизводство данных профессий), поэтому в обеих подгруппах юристы и экономисты стали лидерами и среди наименее востребованных специальностей, возглавив в то же время список самых высокооплачиваемых. Самые низкооплачиваемые профессии названы студентами более определенно, консолидировано и предсказуемо, в духе устойчивых стереотипов массового сознания (хотя по всем позициям в крупных городах ситуация не столь однозначна): дворники/уборщики, учителя/преподаватели и врачи (это единственный пункт гендерных расхождений — девушки в три раза чаще называют врачей, видимо, потому что самые низкие заработные платы в медицине у должностей, которые преимущественно заняты женщинами).

В перспективе юноши чаще надеются стать хозяевами собственного бизнеса (46% против 34%) и работать в государственной организации (10% против 4%), тогда как девушки хотели бы работать скорее в коммерческой организации (19% против 9%) и в свободном режиме или на дому (16% против 8%), что позволяет сочетать профессиональную карьеру и семейное благополучие, которое для девушек существенно более важный компонент жизненного успеха.

В ранжированном списке жизненных ценностей большинство респондентов поставило семью на первое место, но это сделало 66% девушек и 48% юношей; для девушек более значимо признание и уважение семьи, близких и друзей (75% против 61%), но при этом они в большей степени ориентированы на семью, где оба супруга работают и делят поровну семейные обязанности (73% против 51%), а не на традиционную модель, где муж работает, а жена воспитывает детей (24% против 46%). Поэтому для девушек достаточными основаниями для вступления в официальный брак выступают окончание вуза (23% — как завершение одного жизненного этапа, за которым «по графику» следует создание семьи и рождение ребенка) и достижение финансовой независимости (30%), тогда как юноши видят ситуацию несколько иначе — прежде всего для них важна способность обеспечивать собственную семью (47%) и трудоустройство (16%). Впрочем, на профессионально-статусных претензиях обозначенные различия не сказываются: большинство опрошенных в будущем хотят стать руководителями (более 65%).

По блоку эмоционального состояния значимых различий по подгруппам мы не обнаружили: в будущее студенты смотрят с оптимизмом или спокойно, пусть и без особых надежд и иллюзий; оценивая свой жизненный настрой, называют себя оптимистами, реалистами или «ситуационистами»; абсолютное большинство довольно своей нынешней жизнью и старается планировать ее на отдаленную или ближайшую перспективу, рассчитывая в реализации своих планов на поддержку и помощь родственников и друзей, но иногда испытывая опасения стать неудачниками (каждый третий).

Свой общий эмоциональный настрой за последние несколько месяцев, что закономерно, студенты характеризуют как двойственный: большинству случилось и радоваться своим успехам, и ощущать усталость и безразличие; в основном негативные переживания респондентов были связаны с учебой, а не с работой/трудоустройством или родными и друзьями. Вполне ожидаемо девушки проявили большую эмоциональность: они чаще испытывали абсолютное счастье (41% против 30%) и в то же время обиду (38% против 30%), растерянность (29% против 19%) и отчаяние (27% против 18%).

Учитывая отсутствие значимых различий между юношами и девушками по общему жизненному настрою, речь идет о более высокой эмоциональности девушек, которая считается и является нормой, а не о гендерно специфичных переживаниях.

Итак, можно было бы упрекнуть авторов статьи за то, что полученные ими данные выглядят социально предсказуемыми, хотя вряд ли подобные упреки имеют смысл в социологическом исследовании, задача которого — «диагностировать» реалии, независимо от того, насколько они соответствуют неким стереотипам и «социальным мифам», скажем, о жестко маскулинном характере российского общества и существующей в нем гендерной дискриминации женщин в профессиональной сфере и на рынке труда в целом. Конечно, объективные статистические показатели (доля женщин среди руководителей разных уровней в различных отраслях экономики или диспропорции в уровне оплаты труда женщин и мужчин на одних и тех же позициях) фиксируют гендерные расхождения, но они, как показывают результаты нашего опроса, не воспринимаются в качестве проблемы, считаются и девушками, и юношами нормальным положением дел.

Сопоставления данных по критериям пола, курса и профиля обучения, постоянного местожительства не выявили радикальных различий, что говорит об устойчивых коллективных представлениях, суммированных в предыдущей статье по результатам исследовательского проекта: принимая решение о получении высшего образования, студенты преимущественно исходят из двух соображений — поступить в известный и престижный вуз на интересную им специальность, поэтому после поступления сосредотачиваются на «превращении» в квалифицированных специалистов и получении необходимого для дальнейшей жизни запаса знаний, прагматично (в позитивном смысле) расценивая свое обучение как шанс на профессиональный и личностный рост, даже если университетские реалии оказываются несколько иными, чем они себе представляли в бытность абитуриентами.

Понимая структурные проблемы российского рынка труда, студенты признают необходимость продолжения обучения в самых разных форматах, хотя уверены, что получаемое ими сегодня образование соответствует требованиям работодателей. Большинство студентов отказываются от работы и подработок, опасаясь, что не смогут совмещать работу с учебой, но даже неработающие уверены в своем легком и быстром трудоустройстве после окончания вуза, хотя признают, что работодателей обычно смущает отсутствие опыта работы — оно выступает основанием для отказа принимать выпускников вузов на работу и платить им низкую зарплату.

Наиболее действенными способами трудоустройства студенты считают поиск вакансий на специализированных сайтах и родственные связи, полагая в то же время, что в профессиональной сфере, как и по жизни в целом, все зависит от самого человека — его личных качеств, прежде всего профессионализма, трудолюбия, целеустремленности, а потому каждый второй уверен, что найдет работу своей мечты, еще больше тех, кто надеется в будущем стать руководителем, доволен своей нынешней жизнью и смотрит в будущее спокойно и оптимистично, не думая, что может стать неудачником.

Следует признать, что гендерные различия оказались незначительными почти по всем вопросам анкеты, а там, где проявились, были вполне ожидаемыми: так, девушек в большей степени привлекает языковая подготовка — юноши подчеркивают важность получения престижной специальности и реже прислушиваются к мнению родителей в вопросах обучения. Девушки больше обеспокоены вопросами гарантий поступления, нахождения работы и карьерного роста, возможностями самореализации, но их в целом отличает и большая эмоциональность, и большие ожидания, поэтому, в частности, у них чаще меняются представления о будущей специальности и учебе после поступления. Девушки весьма амбициозны (не отстают в этом от юношей), но чаще говорят об исполнительности и способности идти на компромисс как условиях жизненного успеха; в поисках работы они мотивированы преимущественно на высокий заработок, поэтому чаще выражают намерение сменить место работы после окончания учебы, а если не работают, то потому что опасаются, что работа скажется на учебе и оценках, а они чаще верят и в решающую роль диплома с отличием.

Идеальная работа для девушки должна сочетать в себе множество параметров (интересная, высокооплачиваемая, с перспективами карьерного роста и самореализации, приносящая пользу людям), но на этом фоне существенно более важным, чем для юношей, компонентом жизненного успеха выступает семейное благополучие. Все это объясняет, почему девушки демонстрируют более высокий уровень тревожности (5), задумываясь о своем будущем, что, впрочем, не мешает им быть даже более оптимистично настроенными, чем юноши, точнее, они в большинстве своем испытывают больше ярких эмоций — как позитивных, так и негативных.

Мы очень осторожно сопоставляли мнения «москвичей» и студентов из регионов, обращая внимание только на исключительно яркие расхождения, и они также оказались предсказуемыми: учитывая более высокий, чем в столице, уровень безработицы в регионах страны, приезжающие в Москву учиться ребята подчеркивают важность получения диплома известного и престижного вуза и диплома переводчика, поскольку, особенно в трудоизбыточных районах, давно идет

«битва дипломов» (нередко их количества) и высшее образование рассматривается как дополнительная формальная гарантия трудоустройства, поэтому студенты из регионов в меньшей степени опасаются вынужденного трудоустройства на неинтересную, но денежную работу — сам факт трудоустройства в трудоизбыточных регионах считается удачей.

Конечно, студентам из регионов труднее подрабатывать в столице, и абсолютное большинство из них не работает — остальные трудоустраиваются вынужденно, чтобы зарабатывать на жизнь, поэтому работают исключительно в коммерческих компаниях и знают, что уволятся сразу после окончания учебы, хотя и признают, что выпускники вузов — одна из самых проблемных групп на рынке труда с точки зрения перспектив трудоустройства.

Столь же аккуратно мы сравнивали профили обучения: сопоставления по факультетам были бы некорректны, а обращение к профилям упрощает картину происходящего (очевидно, что перспективы выпускников экологического и медицинского факультетов существенно различаются).

Оказалось, что «гуманитарии» более сфокусированы на получении образования в конкретной предметной области, поэтому с большим интересом и энтузиазмом относятся к учебе, не опасаясь разочарования в выбранной профессии. «Технари» чаще поступают, куда получилось (вряд ли это удивительно, учитывая сложность поступления на технические специальности), и более других обеспокоены как качеством своего образования, так и проблемой трудоустройства, поэтому среди них самая высокая доля работающих и подрабатывающих, причем по специальности, и уверенных, что они найдут работу своей мечты. «Естественникам» было важно поступить на престижную специальность, они прагматично учат только то, что может им пригодиться в дальнейшем, и в целом демонстрируют более высокий уровень тревожности, полагая, что их знаний недостаточно, чтобы стать конкурентоспособными специалистами, и признавая необходимость дополнительной подготовки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 2. С. 90—107.
- (2) Здесь и далее даются отсылки к достаточно давно написанным текстам, чтобы показать, сколь мало за прошедшее время изменилась ситуация, что позволяет говорить об устойчивых и воспроизводящихся из поколение в поколение коллективных представлениях.
- (3) Предполагая, что читатели ознакомились с общими характеристиками студенческой выборки в предыдущей статье, мы постарались избежать повторов уже опубликованных данных. Чтобы текст не стал громоздким и нечитабельным, мы варьируем форматы представления данных — таблицы, диаграммы и описания, в последнем случае акцентируя внимание на различиях подгрупп выборки.
- (4) Мы использовали квотную выборку, репрезентирующую генеральную совокупность студентов всех курсов базовых факультетов РУДН, но доля респондентов естественнонаучных факультетов была в ней самой небольшой (порядка 15%): предугадать здесь смещения, связанные со случайным отбором респондентов, сложно, поэтому мы осторожны в интерпретации данных.
- (5) Более высокий уровень тревожности девушек был зафиксирован и в общероссийском опросе в 2007 г. [12].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аналитический доклад «Молодежь новой России: ценностные приоритеты». URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html.
- [2] *Ворошина О.А.* Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М., 2001. С. 8—33.
- [3] *Гиденс Э.* Социология. М., 1999.
- [4] *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после. М., 2003.
- [5] *Кочетов А.Н.* Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия // Социологические исследования. 2011. № 5.
- [6] *Лелекина И.А.* Социально-экономический статус молодежи в трансформирующемся российском социуме: Автореф. дисс. ... к.с.н. Майкоп, 2007.
- [7] *Лоншакова Н.А.* Региональный вуз и рынок труда: проблемы адаптации // Социологические исследования. 2003. № 2.
- [8] *Магун В.С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4.
- [9] *Озерникова Т.Г.* Принуждение к труду и вынужденная трудовая мотивация в современной России. Иркутск, 2006.
- [10] Перспективы трудоустройства. URL: <http://www.levada.ru/26-09-2013/perspektiva-trudoustroistva>.
- [11] Пресс-выпуск опроса «Как Вы считаете, является мужским или женским занятие...». 23—26 августа 2013 г. URL: <http://www.levada.ru/18-09-2013/muzhskie-i-zhenskie-zanyatiya-v-predstavleniyakh-rossiyan>.
- [12] *Троцук И.* Проблема насилия в российском обществе: «нормальные» и «патологичные» проявления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3.
- [13] *Чупров В.И.* Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3.

RUSSIAN STUDENTS' LIFE PLANS: GENDER AND OTHER DIFFERENCES IN THE ESTIMATES OF PROSPECTS IN THE LABOR MARKET

N.P. Narbut, I.V. Trotsuk

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article summarizes the results of the survey conducted on a sample of students of the Peoples' Friendship University of Russia to test the questionnaire developed for the operationalization of the youth expectations and concerns in the professional sphere. Previously (1) we described the general features of students' worldview considering labor market and career plans, in particular the striking combination of quite diverse reasons such as evaluation of the PFUR prestige and image together with very thoughtful and idealistic considerations. This time we focused on factors determining differences in students' estimates of the situation on the labor market, their commitment to the ideals of personal achievements, perception of studying and requirements of employers, the confidence that they can find a job easily and quickly and fears to become an unemployed, lonely and poor person. The data of national surveys in recent decades show that the Russian society manifests itself as a stereotypical and traditional one in gender questions, especially when it comes to the positions of men and women in the labor market, thus the authors focus on gender differences in students' responses to the survey questions, but mention other significant distinctions as well.

Key words: student youth; an empirical study; survey questionnaire; gender differences in the estimates of prospects in the labor market; pessimistic and optimistic scenarios of finding a job.

REFERENCES

- [1] Analiticheskij doklad «Molodezh' novoj Rossii: cennostnye priority». URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html.
- [2] *Voronina O.A.* Formirovanie gendernogo podhoda v social'nyh naukah // *Gendernyj kalejdoskop* / Pod obshh. red. M.M. Malyshevoj. M., 2001. S. 8—33.
- [3] *Giddens A.* Sociologija. M., 1999.
- [4] *Zdravomyslov A.G., Yadov V.A.* Chelovek i ego rabota v SSSR i posle. M., 2003.
- [5] *Kochetov A.N.* Professional'noe obrazovanie i rynek truda: problemy vzaimodejstvija // *Sociologicheskie issledovanija*. 2011. № 5.
- [6] *Lelekina I.A.* Social'no-jekonomicheskij status molodezhi v transformirujushhemsja rossijskom sociume: Avtoref. diss. ... k.s.n. Maykop, 2007.
- [7] *Lonshakova N.A.* Regional'nyj vuz i rynek truda: problemy adaptacii // *Sociologicheskie issledovanija*. 2003. № 2.
- [8] *Magun V.S.* Rossijskie trudovye cennosti: ideologija i massovoe soznanie // *Mir Rossii*. 1998. № 4.
- [9] *Ozernikova T.G.* Prinuzhdenie k trudu i vynuzhdennaja trudovaja motivacija v sovremennoj Rossii. Irkutsk, 2006.
- [10] Perspektivy trudoustrojstva. URL: <http://www.levada.ru/26-09-2013/perspektiva-trudoustrojstva>.
- [11] Press-vypusk oprosa «Kak Vy schitaete, javljaetsja muzhskim ili zhenskim zanjatie...». 23—26 avgusta 2013 g. URL: <http://www.levada.ru/18-09-2013/muzhskie-i-zhenskie-zanyatiya-v-predstavleniyakh-rossijan>.
- [12] *Trotsuk I.* Problema nasilija v rossijskom obshhestve: «normal'nye» i «patologichnye» javlenija // *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2007. № 3.
- [13] *Chuprov V.I.* Molodezh' v obshhestvennom vosproizvodstve // *Sociologicheskie issledovanija*. 1998. № 3. S. 98.